Когда фургон Филипа еще не покинул деревню Шатили, они услышали последовательные выстрелы. Мятежники сказали, что будут нападать на российские пограничники в качестве приманки, чтобы скрыть передачу своих запасов. Тем не менее, стрельба из орудий была эхом со стороны гор, куда направлялись мятежники и их ослы. Не говоря уже о мудром времени, выстрелы уже не должны были быть услышаны, Юнго знал, что что-то пошло не так. Они, должно быть, попали в засаду. Несмотря на то, что они покинули границу Грузии, это вызвало бы международную рознь, если бы поставки повстанцев были вывезены из Грузии.Янго сказал Филипу стоять в фургоне и взял с собой Джонгила. Как только они не смогли увидеть фургон Филипа, они побежали на бешеной скорости в кожаных туфлях. Юнго и Джонгил надели кольцо и кожаные туфли, когда покидали горнолыжный курорт на случай, если что-то подобное случится. На горной тропе, куда они приехали, они увидели, что мятежники посадили ослов на одно место и расстреляли лежащих на животе русских солдат. Некоторые из ослов и мятежников истекали кровью, другие пытались оказать первую помощь. Юнго подошел к Басаеву и сказал, что они с Джонгилом позаботятся о русских, и попросил на минутку прекратить стрельбу и лечь им на живот. Юнго и Джонгил взяли у мятежников автоматы АК и боеприпасы и перешли на сторону русской армии. Они понятия не имели, как Юнго и Джонгил приблизились к ним, потому что они были слишком сосредоточены на стрельбе по мятежникам. Расстояние до мятежников от русских солдат составляло 300 метров, что обычно занимало 20 минут для обычного человека, так как русская армия ждала с высоты горы. Никто и представить себе не мог, что кто-то подойдёт за такое короткое время. Юнго жестовал Джонгилу, чтобы тот разделился, и каждый начал стрелять по солдатам один за другим. Солдаты насчитывали около 30 человек, упали с пуль, о которых не знали. Позже, когда они узнали, что пули выстрелили сбоку, Юнго на огромной скорости бросился в головы тех немногих солдат, которые остались с оружием. Когда они закончили сбивать русских солдат и подали сигнал повстанцам внизу горы, они спешно поднялись на гору. Прибыв на хребет, они издалека услышали обещанный выстрел орудия. Двое из них погибли и шестеро были ранены. К счастью, в боеприпасах были запасы медикаментов, поэтому они вкололи раненым морфий и перевязали их в качестве временной помощи. Они сказали, что на их базе находился хирург, который мог вытаскивать пули из тел повстанцев. Из 37 российских солдат выжили только четверо. Юнго и Джонгил впервые на Кавказе убили человека, они убили около 15 человек каждый только для того, чтобы сдержать их. Поскольку они стреляли в них с расстояния, это было менее шокирующе, но это не изменило того факта, что они забирали жизни людей. В то время как мятежники заботились о телах и оружии русских солдат, Юнго прикуривал ему в рот сигарету. Его рука дрожала. Заметив, что Юнго пожимал руку, Джонгил похлопал его по плечам, не сказав ни слова. Басаев и директор "Черного орла" смотрели на Юнго и Джонгила так, как будто они были жнецами. Они только что увидели невероятное действие с тех пор, как эти двое за мгновение сбили 37 русских рейнджеров, и им нечего было сказать. Юнго и Джонгил спустились с горы, оставив слова, чтобы встретиться в следующий раз. Филипп, который ждал в фургоне, спросил, что случилось, они просто пожали плечами и сказали, что все прошло хорошо. Они все еще были в возбужденном состоянии после невыразимой битвы, они не хотели пока ничего говорить. Юнго думал, что после сегодняшней битвы он на какое-то время будет расстроен. Сердце Юнго было тяжело на обратном пути на горнолыжный курорт в Бакуриани. Он не заботился о международных отношениях, но жалел повстанцев и солдат, которым приходилось сражаться друг с другом на холоде. Не говоря уже о том, что он был виновен в том, что забрал жизни молодых солдат, которые только что вышли выполнять приказ.*** Рота Юнго прибывала на горнолыжный курорт на закате после шести часов грубого вождения. Караджан и его братья и сестры причитали, что они должны вернуться в Тбилиси, как будто им надоело три дня подряд играть в снег. Теперь, когда официальное задание ЦРУ было выполнено, Юнго планировал наслаждаться поездками, пока Сергей не приедет к нему из Волгограда. Он не собирался путешествовать с золотыми слитками. Из-за золотых слитков ему пришлось бы отказаться от полета в Баку и вместо этого сесть на неудобный поезд, но

позже он решил побеспокоиться об этом. Улицы были переполнены людьми, которые только что присутствовали на мессе из православных церквей. У ворот гостиницы Зейнеп застал возвращающегося Юнго и подбежал к нему. Он попросил пойти вместе за покупками и пошел в банк, пока семья готовилась выйти на улицу: "Оппа, я чуть не умерла от голода, ожидая тебя. Караджан Ынни уже пошла что-нибудь захватить". Потому что было так мило видеть, как она ведет себя непристойно и болтает, что Юнго крепко обняла ее. "Фу, оппа. Мне не нравится запах сигарет". Фатима также подошла к Юнго и взяла его за руку, а Зейнеп держал руку Юнго с другой стороны. Сеченьи подошел к ним с заносчивым отношением, и это заставило Юнго поволноваться, так как в последнее время Сеченьи был слишком заносчив, Фатима также сказала, что он так сильно изменился. Он был ласков со старшей сестрой, но теперь не разговаривал с ней. Юнго беспокоилась, что Сеченьи может стать смутьяном. Так как он был симпатичным мальчиком, он мог связаться и с девушками. Несмотря на то, что Сеченьи был добродушным и вдумчивым человеком, окружавшие его девушки не оставляли его в покое. В последнее время Юнго был слишком занят, чтобы у него не было времени поговорить с Сеченьи. Он думал, что когда они тренируются и потеют вместе вечером, этого было достаточно, но он просто понял кое-что важное. Сеченьи был подростком. Для Сеченьи Юнго - отцовская и старшая братская фигура, которая была рядом с ним, как дерево. Однако, с ним также было трудно разговаривать. Сеченый не делился своим сердцем ни с кем, даже с друзьями, которые казались ему менее зрелыми, чем он сам. Это было то, что чувствовал Юнго, когда он был подростком. Многое изменилось для Сеченя с тех пор, как он познакомился с Ёнго, и по мере того, как он становился взрослым, он, должно быть, чувствовал много смятений и борьбы. Во время этой поездки Янго решил поговорить с Сеченьи. Он надеялся, что эта поездка послужит импульсом для того, чтобы Сеченьи освободился от своего бремени. Столица Грузии, Тбилиси был городом с наследием. В городе было особенно много церквей. Как и многие другие города Юго-Восточной Европы, он, казалось, остался в старые времена. Несмотря на то, что вдоль пищевой улицы Старого города выстроились украшенные кафе и сувенирные лавки, всем зданиям было более 100 лет. Однако атмосфера кафе была такой же великолепной, как и в других западноевропейских городах, и город все еще был переполнен холодной зимой. Умирая от голода, Зейнеп и Сечени заказывали разные вещи в меню и ели до тех пор, пока они не были слишком насыщены. Они спокойно рыгали на глазах у Йунго, теперь они совсем не возражали против него. Теперь, когда они были наелись, они хотели выйти наружу. Так как им становилось скучно, Юнго сказал Сечени осмотреть сувенирные магазины вместе с Зейнепом." Сечени, почему бы тебе не взять Зейнеп и не осмотреть сувенирные магазины? Я видел хорошие карманные ножи. С разрешения Юнго они ушли в восторге. Выглядело так, будто они не принесли денег, так как Юнго дал им кучу долларовых купюр, и они не отказались от денег. Несмотря на то, что Юнго депонировала их пособия на их собственные банковские счета, они никогда не думали о том, чтобы снять деньги". Фатима, почему ты не проверила, есть ли у них деньги и не дала их? Юнго спросила это, потому что она управляла расходами семьи на проживание". Они больше не дети". Они должны спросить, нужны ли им деньги. Я не хочу их балуть. "Так как она была права, Ёнго заткнул рот. После того, как младшие братья и сестры ушли, пришло их время побыть наедине". Они были настолько сосредоточены, чтобы догнать друг друга, что не понимали, что кто-то подошел к ним близко. "Ты слишком романтичен". Ты прогнала детей, чтобы провести это время в одиночестве? Я был почти потерян, если бы не встретил Сечени по дороге. "Джонгил говорил, как обычно, как обычно. Юнго думал, что он состарится и умрёт, если будет ждать, что из его уст выйдет что-то более благородное. У Джонгила и Караджана были одинаковые солнечные очки. Это подходило молодоженам. "Вы уже ели?" Нет, мы вас искали. Караян, что ты хочешь получить? Можешь есть всё, что захочешь, теперь, когда у нас есть кто-то, кто заплатит за нашу еду!" Джонгил поднял шум, сидя и решая, что заказать. Он посмотрел вверх и подмигнул Юнго, подписав с ним контракт на выпивку. Было 4 часа дня. Для пьяниц это было время выпивки. В день благословения Рождества они заказали коньяк, который был

всемирно известным напитком Грузии. Теперь, когда их миссия выполнена, они решили вознаградить себя знаменитым ликером, который был необходим, чтобы забыть то, что происходило раньше в Шатили, Фатима и Караджан теперь привыкли немного пить из-за привычки Юнго и Джонгила пить на ферме. Фатима особенно начала любить вина. В расслабляющие дни она часто приходила в Джонгил с бутылкой вина в его библиотеке. Когда подавали еду и коньяк, они начинали пить вместе, а на следующий день Караян и Джонгил, у которых вчера вечером было похмелье от чрезмерного питья, останавливались в отеле. Только Юнго и его братья и сестры свободно передвигались в течение всего дня. Кольцо на пальце Юнго теперь давало большую силу, чем раньше, и оно быстро восстанавливало его физическое состояние. Вот почему у Ёнго не было похмелья, как у Джонгила и Караджана. Фатима и Зейнеп шли до Юнго и Сечени. Так как это была хорошая возможность поговорить с Сеченьи, Юнго старался много разговаривать с ним. Сеченьи был в хорошем настроении и начал разговаривать с Янго. Казалось, что Сеченю нужна мужская фигура, с которой он мог бы поговорить и на которую он мог бы положиться. Юнго чувствовал себя виноватым за то, что не проводил с ним достаточно времени в его важные годы. Посещая в течение всего дня многочисленные исторические места и сувенирные магазины, Зейнеп теперь ходил, прислонившись к Юнго в изнеможении. Он притворялся, что сосредоточился на поездке, но все равно испытывал неловкие чувства. Последствия битвы Шатили теперь проявлялись. Когда он шел по улицам, обнимая маленькое тело Зейнепа, он решил пойти в церковь на следующий день и сложить с себя бремя. Было горько видеть счастливых путешественников на улицах. Он думал, что может чувствовать себя лучше только после молитвы за души умерших в церкви.

http://tl.rulate.ru/book/27517/918424